

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРЕФЕРЕНЦИИ: САМООПИСАНИЯ В ПРОЗЕ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Елена Евгеньевна Бразговская

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. elen_braz@rambler.ru

Екатерина Андреевна Смердова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. kallioipa06@yandex.ru

В статье обсуждаются вопросы определения механизма и когнитивного потенциала автореференции. В качестве автореферентных рассматриваются польскоязычные тексты Станислава Лема «Звездные дневники», «Маска». Самореференция, мыслящий компьютер, обратный диалог в системах – его любимые темы. Для создания эффекта самоотображения Лем использует интерпретацию знака через тот же знак, нарративы-воспоминания, перформативные высказывания, описание персонажа через его двойника. Обосновывается, почему ситуация автореферентности имеет высокий когнитивный потенциал и является креативным процессом, обеспечивающим самовоспроизводство и самопознание живых систем.

Ключевые слова: автореференция; рефлексивность; интроспекция; self; аутопоззис; семиотика.

Меня иногда спрашивают:
«Автореферентность – это
очень интересная и забавная
штука, но действительно ли вы
считаете, что в этом есть что-то
серьезное?». – Безусловно.

Даглас Хофштадтер

I

Познание мира происходит в ходе языкового отображения его объектов. В акте коммуникации предмет познания переводится нами в иной режим восприятия: это уже не вещь, но референт, замещаемый знаком. Семиотический процесс отображения предполагает, что референты обязательно внеположены нам в акте коммуникации. Референт всегда представлен в иной плоскости – *вне нас, вне языкового знака*. Однако существует ситуация, для которой эта аксиома может показаться неистинной и невыполнимой. Что происходит в процессе *самоописания*? Познавая свое *Я*, мы создаем текст о себе. Значит ли это, что в ходе «интроспективного отчета» [Хофштадтер, Деннет 2003: 9] наше *Я* (референт отображения) совпадает с субъектом речи (тем *Я*, которое производит текст)?

Сформулируем **основные вопросы работы**. Употребляем ли мы термин «автореферентный» в прямом смысле, подразумевая, что референтом знака является он сам? Если нет, то какой референциальный механизм лежит в основании рефлексивных текстов?

Значением термина *автореферентность*, если исходить из внутренней формы слова, становится ситуация, когда знак указывает на себя, одновременно выполняя функцию и законодателя, и референта. Знак, отсылающий к самому себе, выступает как *самореферентный*. Казалось бы, такая ситуация должна расцениваться как коммуникативно неуспешная, поскольку она нацелена на бесконечное повторение одного и того же и подобна змее, кусающей свой хвост (ср. лат. *autoreferentis* – самовоспроизведение). Тогда не ясно, почему в современных гуманитарных исследованиях *рефлексивность* (*аутопоззис*) рассматривается как креативный процесс, в ходе которого происходит самовоспроизводство и самопознание живых систем, что позволяет им не только совершенствоваться, но и сохранять свою идентичность [Матурана, Варела 2001: 51–52; Мун 2012; Eakin 1992: 75]. Из этой ситуации вы-

текает первая задача работы: определение семиотического механизма и коммуникативного потенциала автореферентных высказываний / текстов. Еще одно значимое направление касается необходимости и возможности создания междисциплинарного исследовательского поля, предметом которого является рефлексивность, или концепт *self*.

Язык, по определению А. Аркадьева, устроен так, что механизм рефлексии входит в него в качестве одной из базовых структур, провоцируя человека на самоинтерпретацию, и эта рефлексивная пленка языка неустранима [Аркадьев 2010: 11; 15; 117]. Класс самореферентных (рефлексивных, эгоцентрических) знаков многообразен. Сюда относятся, например, местоимение *я*, имена собственные, термины языка философии, прилагательные с семантикой «самоописания» (*многосложный*), перформативные высказывания, в которых произносимое (знаконоситель) одновременно репрезентирует производимое в этот момент действие-референт (*я полагаю, я иду к тебе*). Более того, поскольку язык «глубоко отмечен выражением субъективности», любое высказывание в определенной степени автореферентно, т.е. включает самого говорящего, который актуализируется как «субъект в языке» [Бенвенист 1974: 296]. И наоборот: быть субъектом высказывания – значит «занимать лингвистически автореферентное положение в сиюминутном акте говорения» [Аркадьев 2010: 35]. В собственно лингвистических работах анализ автореферентности связывается в большей степени с вопросами функциональной роли соответствующих знаков. Так, личные местоимения и имена собственные описываются в качестве знаков присутствия «человека в языке» [Бенвенист 1974], операторов рефлексивности и инструментов самоидентификации говорящего [Александрова 2000; Падучева 2002, Успенский 2007]. Изучение рефлексивности как фундаментального принципа языка стало началом антропоцентрического поворота современной лингвистики [Степанов 2009: 50].

В исследованиях по теории текста, культурологии, философии, социологии, психологии автореференция рассматривается как инструмент рефлексивности. На опыте обращения к своему «внутреннему человеку» (св. Августин) основаны средневековые жанры *soliloquia* («одинокое беседы с собой») и *консоляции-утешения*. Субъект познает себя не непосредственно, а опираясь на знаки-тексты, «внедренные в его память великими культурами» [Рикер 2008: 27]. Автобиография и автопортрет – это примеры «типичных» автореферентных систем, которые реализуют

«мемориальную» функцию текста, очерчивая границы памяти говорящего, обеспечивая его «непрерывность» во времени, идентичность самому себе в точках прошлого и настоящего [Brush 1994; Eakin 1992]. В итоге мы видим собственное *я* словно со стороны, получив возможность познавать его. Отсюда, формула св. Августина: *Вот я, помнящий себя, я, душа (Ego sum, qui memini, ego animus)* [Гагарин 2006].

И отдельный индивид, и культура – это самореферентные системы, которые, выполняя функцию субъекта описания, в то же время являются и объектом анализа, выступая структурной частью себя самого. Поэтому любое культурологическое исследование является *принципиально рефлексивным* [Сорвин 2005: 144; Колесников, Ставцев 2000]. Подобно тому, как слово *я* иницирует взгляд каждого из нас внутрь себя, различного рода самоописания позволяют культуре в целом определять собственные границы. Рефлексивность, представленная как интертекстуальность и метаописание, есть онтологический принцип культуры, которая познает себя в зеркале самоописаний. С точки зрения концепции аутопозиса, любая живая система (человек, культура, язык) непрерывно воспроизводит и познает границы, в которых она существует, и прежде всего это границы внутреннего мира [Тарасенко 2009: 70; Луман 2007].

Таким образом, авто, или самореференция, – это одно из ключевых понятий междисциплинарного гуманитарного пространства, изучающего самосознание человека. Стремление обособить собственно лингвистические, литературоведческие и философско-культурологические исследования автореференции приводит к возникновению в научном пространстве множества «непересекающихся» текстов, обращенных при этом к одному и тому же объекту. Например, логическая теория автореференции [Evans 1982; Sainsbury 2005] развивается независимо от анализа способов отображения рефлексивности человека в пространстве художественного текста [Rewriting the Self 1997].

Любой текст есть репрезентативная система, отражающая внешний для субъекта мир: физическую реальность или возможную действительность. К референтам текста относится и ментальное пространство говорящего. Отталкиваясь от направления референции (вовне или внутрь себя), условно будем говорить о *внешней* референции и *автореференции*. Разделение направлений референции действительно условно, поскольку а) ментальное пространство также обладает атрибутом материальности [Яковлев 2009] и одновременно в этом пространстве говорящий

формирует свой возможный образ; б) референция к объектам реальности неизбежно совершается через сознание как промежуточный референт.

II

Проблемы самореференции изучаются сейчас и в связи с вопросом о возможности создания мыслящих машин. Будущее искусственного интеллекта полностью определяется тем, будет ли машина способна к диалогу, обратной связи с самой собой. Только в таком диалоге рождается «самость», выделяющая мыслящее существо из мира природы [Эпштейн 2004: 584; Хофштадтер, Деннет 2003: 250–251]. Самореференция, мыслящий компьютер, обратный диалог в системах – любимые темы Станислава Лема. Для анализа механизма автореференции, размышлений о когнитивном потенциале самореферентных высказываний будем использовать польскоязычные тексты Лема, в которых отображен диалог я-субъекта с я-объектом: «Звездные дневники», «Маска» [Lem 1982; Lem 1988].

Начнем с примера, демонстрирующего **автореференцию в узком понимании**, когда говорящий для интерпретации знака использует все тот же знак. В этом случае и создается впечатление, что знак совершает референцию к самому себе. В «Четырнадцатом путешествии» «Звездных дневников» Лема астронавт Ийон Тихий, желая познакомиться с толкованием слова *сепульки* (*sepulki*), обращается к соответствующей статье в *Космической Энциклопедии*. Вот какую информацию он обнаруживает:

SEPULKI – odgrywający doniosłą rolę element cywilizacji Ardrytów z planety Enteropii. Ob. SEPULKARIA.

SEPULKARIA – obiekty służące do sepulenia (ob.).

SEPULENIE – czynność Ardrytów z planety Enteropii. Ob. SEPULKI.

Krąg się zamknął, nie było gdzie szukać [Lem 1982: 131].

СЕПУЛЬКИ – важнейший элемент цивилизации ардритов на планете Энтеропия. См. СЕПУЛЬКАРИИ.

СЕПУЛЬКАРИИ – объекты, предназначенные для сепуления (см. СЕПУЛЕНИЕ).

СЕПУЛЕНИЕ – регулярное действие, процесс производства сепулек (см. СЕПУЛЬКИ).

Круг замкнулся, более искать было негде¹.

Здесь знак (одно из многочисленных слов, придуманных самим Лемом), будучи не в силах соединить нашу мысль ни с каким референтом,

становится «тенью отсутствующей вещи и даже рисунком несуществующего рисунка», что в итоге знаменует утрату реальности [Бодрийяр]. Что означают «сепульки», если интерпретация идет по замкнутому кругу однокоренных слов? Из такого псевдонаучного определения невозможно даже получить информацию о том, существует ли сепулька как индивидуальный объект, для номинации которого можно выбрать форму единственного числа. Входя в круг автореферентной интерпретации, мы, по М.Эпштейну, подходим к границам семиотического, а точнее, приближаемся к десемiotизации [Эпштейн 2004: 178]. Так возникает парадокс, когда уже идущая операция (интерпретации) одновременно создает условия собственной неуспешности.

Иные стратегии автореферентности связаны у Лема с возможностями, которые субъект использует для описания своего Я. В этом случае функциональное назначение автореференции состоит в самоидентификации и самопознании говорящего, обнаружении себя в мире в качестве самостоятельного объекта. Как объект анализа Я скрыто от непосредственного наблюдения и требует актуализации в ходе рассказов, которые субъект создает о себе. Вот почему каждый из нас – неизбежно новеллист и собственный летописец [Деннет 2003]. Отсюда и размышления У.Эко: «Меня – то есть кого? Кто это – “я”? Думаю, ответить можно, перечислив, что и кого любит человек» [Эко 2012: 34].

Как зеркало помогает человеку увидеть свое лицо, так и нарратив позволяет собрать воедино события своей жизни, впечатления, соединить прошлое и настоящее. Иными словами – увидеть свою «самость», создать себя, обнаружить в мире такой объект, как *self*. **Автобиографии и дневники – это нарративы, в основании которых лежит техника автореферентного отображения.** Здесь субъект включается в описание самого себя, создавая иллюзию корреспондентного соответствия (иконического тождества, мимесиса) между пишущим и тем, кто выбран объектом описания, знаком и референтом, языком и ментальной реальностью [Еakin 1992: 6]. Личная идентичность есть идентичность повествовательная [Тета 2012: 102].

В «Звездных дневниках» Лема астронавт Ийон Тихий фиксирует события своей жизни – приключения во время межгалактических полетов, встречи с представителями иных цивилизаций, беседы с искусственным разумом, воспоминания о семье. О чем бы ни повествовал в «Дневниках» Ийон Тихий, рассказ, как бумеранг, возвращается к нему самому. Цель автонарратива – одарить себя своим же прошлым, воскресить его, вернуть,

создать, зафиксировать в знаках, позволить прошлому существовать. Можно наугад брать любую автореферентную конструкцию – в каждой из них субъект речи связывает в единый узел минуты своего прошлого с точкой, в которой происходит акт письма:

Gdy w poniedziałek drugiego kwietnia przelatywałem w pobliżu Betelgeuzy <...> [Lem 1982: 13].

Когда в понедельник второго апреля я пролетал вблизи Бетельгейзы <...>.

W życiu nie odczuwałem tak potwornej tremy [ibid.: 34].

Никогда в жизни я не чувствовал столь ужасного волнения.

В рамках этих высказываний Ийон Тихий обретает возможность идентифицировать себя в различных точках времени и пространства, прошлом и настоящем: тот *Я*, который пишет сейчас, и тот, который *пролетал, чувствовал*, – не более чем временные и пространственные «измерения» одной и той же личности. Такой результат достигнут возможностью «уйти» из минуты письма в ту минуту, которую вспоминаешь, записать и прочесть свою жизнь в виде текста. Когда Ийон пишет «я пролетал, я чувствовал», в этот момент он вновь *летит и чувствует*. В этом смысле автореференция создает ощущение того, что в минуту, когда говорящий обращен к самому себе, время «расширяется»: в одной минуте сопрягаются и настоящее, и прошлое.

Автореферентные конструкции могут создавать иллюзию совмещения *Я*-говорящего с *Я*-объектом речи, поскольку для этого совмещения уже не надо отправляться в прошлое. Это так называемые **перформативы**, или высказывания, где сам речевой акт (означающее) вплотную подходит к собственному референту (означаемому):

<...> przystępuję do opisu tej wyprawy, króra przyniosła mi więcej, niżeli mogłem się kiedykolwiek spodziewać [Lem 1982: 106].

<...> przystępują к описанию этого путешествия, принесшего мне больше, нежели я когда-либо мог предполагать.

Или:

Nazwę znam, ale nie mogę sobie przypomnieć skąd <...> [ibid.: 57].

Я знаю название, да только не могу вспомнить, откуда <...>.

Говоря о том, что он *приступает к описанию*, Ийон действительно в этот момент *начинает повествовать*. Утверждение, что он *не может вспомнить*, откуда знает название (книги), совпадает с действием: Ийон действительно *пытается* (хотя и безуспешно) *вспоминать*.

В качестве инструмента познания *Я* Лем предлагает субъекту взглянуть в глаза собственному **двойнику**. Двойник – это своего рода зеркало. Человек не сразу осознает, что смотрит в глаза самому себе, поскольку, прежде всего, он видит другого человека, пространственно отделенного от него самого.

В “Седьмом космическом путешествии” Ийон Тихий вспоминает, как ракета попала в так называемую петлю времени – пространство, в котором меняется концептуальное представление об этой форме существования материи: здесь время перестает развиваться линейно. Его остановка стала причиной того, что в одной точке времени рядом оказались сам Ийон и его «копии», вернее, его состояния-воплощения из прошлого и будущего. Астронавт отмечает, как поначалу странно было видеть самого себя, сладко спящего в кровати:

W tym momencie pojąłem, dlaczego śniony przypominał mi kogoś znajomego – był podobny do mnie jak jedna kropla wody do drugiej. <...> Pojąłem odrazu, że to jestem ja z poprzedniej doby, to jest z nocy poniedziałkowej [Lem 1982: 15; 17].

В ту минуту я понял, почему спящий напоминал мне кого-то знакомого – он был как две капли воды похож на меня самого. <...> Я сразу понял, что это и есть я, только из прошлых суток, из ночи понедельника.

Но еще более странно смотреть в глаза *множеству* самого себя – Ийонам из разных точек прошлого и будущего:

Gdy odzyskałem świadomość, kajuta była pełna ludzi. Ledwo można się było w niej poruszać. Jak się okazało, wszyscy byli mną, z różnych dni, tygodni, miesięcy, a jeden podobno był nawet z przyszłego roku <...>. Sytuację komplikowało to, że pojawili się przedpołudniowi i popołudniowi ... obawiałem się, że ... rozdrobnię się na minutowych i sekundowych <...> [ibid.: 29–31].

Когда я пришел в себя, каюта была полна людей. В ней уже с трудом можно было

передвигаться. Как оказалось, все эти люди были мною – из разных дней, недель, месяцев, а один, видимо, был «я» даже из будущего года <...>. Ситуация осложнялась тем, что появились пред- и послеполуденные я, <...>, и я опасался быть раздробленным на Иионов из разных минут и секунд <...>.

В «Двадцатом путешествии» Ийон еще раз соприкасается с «петлей времени». Он видит в своей квартире человека, разбрасывающего его книги и документы:

Jego sylwetka wydała mi się dziwnie znajoma, lecz dopiero gdy powstał, poznałem go. To byłem ja. Zupełnie jakbym patrzył w lustro [Lem 1982: 171].

Его фигура показалась мне удивительно знакомой, но только когда он встал, я, наконец, узнал его. Это был я. Совершенно так, словно я смотрелся в зеркало.

И именно потому, что Ийон отчетливо осознал свою идентичность с Другим, которого уже видит не как Другого, а как Себя, он использует в нарративе бытийный глагол прошедшего времени первого лица: То *byłem ja*. В переводе на русский язык этот эффект двойного указания на себя (*ja* и *byłem*) невозможен.

Сущность Я актуализируется в акте автореференции [Evans 1982: 207], и возможность самоописания свойственна только человеческому мышлению. По существу, это единственный вид референции, неподвластный компьютеру. В этом контексте в «Звездных дневниках» Лем говорит о психическом заболевании, которому подвержены роботы: они воображают себя людьми, и, начиная говорить о самих себе, полностью выходят из строя [Lem 1982: 81].

Однако у Лема есть рассказ «Maska» [Lem 1988], написанный от лица машины, которая в актах автореференции обретает возможность самоидентификации. Действие рассказа происходит в псевдосредневековье. Искусственный мозг создан как инструмент убийства. По приказу короля машина в облике прекрасной незнакомки должна убить философа-оппозиционера Аррходеса.

Машина анализирует каждое мгновение своего существования, стремясь обнаружить объяснение своих поступков. Интроспекция начинается уже в первый момент ее «пробуждения» к жизни. Машина (в тексте она так и не получает имени собственного), прежде всего, осознает границы своей телесности и далее проходит дол-

гий путь определения своего пола. Сначала это определение себя в форме Я-оно:

<...> *chybam* ja się przesuwało dalej i wchodziło w krąg następnego spojrzenia, budzącego drętwotę, szacunek i lęk. <...> powiększałam się i rozpoznawałam siebie, doświadczając własnych granic <...>. <...> *bom* spoczywało wtedy na skośnej równi <...> [Lem 1988].

<...> по-видимому, я продвигалось вперед, входило в круг следующего взгляда, пробуждавшего во мне оцепенение, почтение и страх. <...> я увеличивалось, уже распознавало себя, определяло свои границы <...>. <...> я лежало на наклонной поверхности <...>.

Потом это ощущение себя как Я-он:

<...> *widziałem* ich kule <...>, powszechny gwar zamarł i w powstałej ciszy uczyniłem jeszcze jeden mały krok [ibid.].

<...> я видел шары (света) <...>, шум замер, и в наступившей тишине я сделал еще один шаг.

И, наконец, – пишет машина, – «подобно звуку тонкой струны, во мне родилось осознание своей женской природы, женского тела. А вместе с ощущением пола в меня вошел и язык» [ibid.]. И уже далее в нарративе для самоидентификации выбирается только грамматическая форма Я-она:

Otwarłam oczy i uśmiechnęłam się, i ruszyłam przed siebie <...> [ibid.].

Я открыла глаза, улыбнулась и пошла <...>.

В актах «вхождения в себя» («*wchodzenia w siebie*») искусственный разум приближается к точке, где его самосознание почти тождественно человеческому. Возможно, конструкторы и не предполагали, что созданный ими компьютер в такой степени будет способен к автореференции. Рефлексивные акты, как показывают воспоминания машины, очень болезненны для нее. Ей не ясно, откуда она знает то, что знает: «*skoro nie mogłam wiedzieć, a wiedziałam*» (ведь я не могла этого знать, а, однако же, знала). Она ощущала свое тело, видела, какими восхищенными взглядами провожали ее мужчины и какими завистливыми – женщины. В нее откуда-то со стороны входило знание слов, жестов, память о лицах, среди которых первым было лицо Аррходеса. Но

не было отчетливого понимания, кто же она такая:

А кем была я? Откуда взялась у меня такая изысканно отточенная лексика, эти ученые латинские термины, логические посылки, силлогизмы, эта изощренность, не свойственная очаровательной девушке? В какую-то секунду я осознала, что отличаюсь от всех этих людей в зале. Ведь каждый из них имел семью, историю, и эта история тянулась за ним, как шлейф. А в моей памяти почему-то существовало несколько вариантов прошлого, каждый из которых имел право на истинность: я одновременно графиня Тленикс, дуэнья Зореннэй, юная Виргиния – сирота, у которой родню истребил валандский род в заморской стране Лангодотов. Но можно ли одновременно быть множеством? Происходить сразу из многих покинутых прошлых? [Lem 1988].

В какой-то момент, желая понять внутреннюю сущность, машина взрезает перед зеркалом свою плоть, и ее взору открывается страшная правда: внутри нее страшно поблескивало «металлическое нечто», которое и было ее истинным Я: она была машиной-убийцей, способной принимать облик девушки, чтобы завлечь ту жертву, которая была ей указана. Ее Я ей не принадлежало, она была в руках управляющей программы.

Лишившись человеческой телесности, машина преследует Аррходеса. Но какое это мучительное преследование! Она уже знает, что смогла его полюбить, как женщина:

To była miłość płomienna, czuła i bardzo zwykła. Oddać mu chciałam duszę i ciało [Lem 1988].

То была яркая любовь, чувственная и при этом очень обычная. Я хотела отдать ему душу и тело.

Во время разговора со священником машина не смогла однозначно ответить на вопрос: а что ты будешь делать, когда нагонишь того, кого любишь? Что сильнее – любовь или вложенная в тебя программа, заставляющая убивать? Комментарий священника очень неожиданный: ты, машина, – моя сестра. Как это понимать? Я не выше и не ниже тебя. Твое *сомнение* делает нас равными перед Провидением.

По Лему, обнаружившаяся в искусственном разуме способность к самоописанию поставила его в ситуацию, где этот разум балансирует между знанием о том, что его Я – это машина, и

стремлением перейти в иное состояние, где Я – влюбленная женщина. Возможно, Лем уже в 1976 г. (этим годом датируется первое издание текста) предвидел активные разработки в области самоорганизующихся систем. В предисловии к «Маске» он ставит вопрос: может ли искусственный разум взбунтоваться против заложенной в него программы, может ли он стать тем, кем хочет сам, пойти против воли своих создателей [Lem 2009]?

III

В текстах Станислава Лема представлен ряд способов языкового самоотображения: интерпретация знака через тот же самый знак, нарративы-воспоминания, перформативы, описание себя через своего двойника. Границы между этими способами относительно, поскольку различия касаются только онтологии знака, совершающего акт «автореференции». В одном случае это «самообъясняемое» слово или слово, в котором форма (говоримое) «показывает» себя в совершаемом в момент речи процессе. В другом случае это субъект, актуализирующий себя через описание своего прошлого или посредством своей копии (двойника). Везде субъект, который намеревается быть наблюдателем самого себя, оказывается включенным в описание – в «петлю автореференции»: смотрясь в зеркало (т.е. находясь *вне* его), мы видим себя *в* зеркале.

Однако это кажущаяся ситуация, и нам удастся избежать бесконечного хождения по кругу благодаря тому, что мы способны сделать «прыжок из системы», выйти за пределы уровня отражения [Хофштадтер 2001: 673; Рикер 2008: 27]. Механизм референции универсален, и автореференция здесь не исключение. Знак должен отображать референт, лежащий вне самого себя. Акт автореференции направлен на самопознание. Подобно тому, как мы, чтобы иметь представление о своей «визуальности», должны использовать зеркало, так и познание своей «самости» предполагает иное зеркало, например, нарратив. В нем мы, словно в зеркале, видим отделенное от себя внутреннее Я. В обоих случаях мы воспринимаем себя через внешний нам референт – реальное зеркало или события прошлого, и только он позволяет конструировать свой образ.

В акте автореференции возникает эффект «самочуждости», когда Я в minute сейчас видит себя в minute прошлого как нечто отделенное от себя, не совсем идентичное себе, как копию, оторвавшуюся от оригинала, как сущность, к которой следует обращаться во втором или третьем лице. В действительности, референтом Я выступает не сам субъект, а представление говорящего о себе, причем сформированное к той minute, в

которой и совершается акт автореференции [Эпштейн 2004: 742; Барт 2002: 11; Klinkowitz 1984: 60].

Не успев согласиться с тем, что акт самопознания осуществляется в форме автореферентного нарратива, мы сразу же оказываемся перед лицом следующего обстоятельства. Автореференция, которая изначально направлена на самопознание, никогда не является совершенно «прозрачной»:

– Я, как субъект референции, не полностью тождественен *self* как объекту референции. Между Я и «самостью» всегда непреодолимый временной разрыв;

– Я обретает референцию в каждом конкретном акте речи только применительно к конкретному говорящему. Значение Я нельзя обобщить в класс. И потому в любом языке концепт *self* – один из самых неопределимых, лишенных отчетливых дефиниций [Marsella 1985: 285].

Отображение *self* определяется конвенциями языка и культуры: например, принятыми формами автоповествований. Свое индивидуальное Я мы видим отраженным в зеркале культурных пресуппозиций: жанров, художественных форм, стилистических приемов [Kenaan 2005: 7, 9; Eakin 1992: 74]. По Барту, «я» (как объект письма) есть продукт языка, и каждая автобиография – это, в определенной степени, «книга о языке», отражение его структур, априорно заданных способов сказать о себе, и потому реализм любых автобиографий есть только фикция [Барт 2002: 90]. Об этом же и у С. Лема:

Każdy wie, że nie można odwrócić gałki ocznej tak, aby żrenica zajrzała w głąb czaszki [Lem 1988].

Каждый знает, что глазное яблоко невозможно повернуть так, чтобы зрачок обратился вглубь черепной коробки.

Следовательно, личный опыт вряд ли носит полностью объективный характер. Есть ли смысл спрашивать, какими *в действительности* являются мои переживания, в отличие от того, какими они кажутся *мне*? [Хофштадтер, Деннет 2003: 359]. Но тогда в чем заключается **когнитивный и коммуникативный потенциал автореференции**?

Во-первых, в этом акте мы конструируем свое Я, которое часто «лучше», нежели мы сами в данную минуту. А следовательно, мы имеем возможность «подстраивать» себя под созданный образ, т.е. самосовершенствоваться. В этом контексте М.Фуко говорит о «постоянном саморасширении философии». Когда у философа «мысль

мыслит самое себя», она на самом деле обращена не в полном смысле к себе, но к пространству памяти говорящего, где эта мысль «проговаривается» словами других философов [Фуко 1994: 347]. Диалог, обратная связь с самим собой – залог непрерывного развития и человека, и культуры, и науки.

Во-вторых, в автореферентных актах создается фундамент нашей самоидентичности и само-непрерывности [Рикер 2004: 137].

В-третьих, если мы и себя видим в качестве Другого, то это позволяет нам проецировать себя на других людей, понимая и принимая чужую точку зрения [Хофштадтер, Деннет 2003: 369].

Может быть, не совсем был прояснен вопрос о когнитивном потенциале случаев узкопонимаемой автореференции, или тавтологии, когда слово определяется через само себя. В случае с лемовскими *сепульками* мы имеем дело с автором, который намеренно (определяя это слово по кругу, через однокоренные слова) так и не поведал нам, что же такое / кто же такие сепульки, скрывающиеся за этим странным словом. Существуют ли они как неделимый организм или можно говорить о каждой из сепулек в отдельности? Однако это не значит, что сам Лем не связывал это «притягательное» слово² с конкретным объектом. Для Лема оно, конечно же, имело референт. Но читателю Лема остается одно: верить, что сепульки существуют.

Таким образом, семантические петли автореференции из минусов превращаются в плюсы:

Петля, соотносящая меня с собой, не мертвая, а живая, ее конец не совпадает с началом. Там, где есть самость, там есть и отличие себя от себя. Самость дается не как самотождество, а как саморазличие <...>. В этом открывается возможность ощущать себя как *другого*, а значит, и *другого* как *себя*. Из этой самореферентной петли раскручивается золотая нить этики [Эпштейн 2004: 743–744].

Примечания

¹ Здесь и далее перевод Е.Е. Бразговской.

² По числу вопросов, заданных на личной странице Станислава Лема в сети Интернет (<http://www.lem.pl>) и в ходе встреч Лема со своими читателями, ясно, что именно этот авторский неологизм будоражит их воображение.

Список литературы

Александрова О.Г. Репрезентация концепта «Я» на материале местоимения *oneself* и существительного *one self*: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 161 с.

- Аркадьев М. Лингвистическая катастрофа. Антропология абсурда: новый стоицизм. М., 2010. 271 с.
- Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / сост., пер. с фр. и послесл. С.Зенкина. М.: Ad Marginem, 2002. 288 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
- Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры / пер. с фр. А.С.Качалова // URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 20.04.2013).
- Гагарин А.С. «Homo interior» Августина Аврелия (Блаженного) // Дискурс-Пи. Вып. 6: Дискурс современных мифологий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С.64–67.
- Деннет Д.К. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопр. философии. 2003. №2. С.121–130.
- Колесников А.С., Ставцев С.Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: С.-Петербург. философ. об-во, 2000. 112 с.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д.Газиева. СПб.: Наука РАН, 2007. 360 с.
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания / пер. с англ. Ю.А.Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Мун Л.Н. Автореферентность как творческий импровизационный прием в образовательном пространстве синтеза искусств и наук // Психология, социология и педагогика. 2012. Февраль. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/02/183> (дата обращения: 20.03.2013).
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: УРСС, 2002. 288 с.
- Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. И.И.Блауберг и др. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.
- Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. И.И.Блауберг и др. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
- Сорвин К.В. Культура как рефлексивная система // Теоретическая культурология. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. С.143–154.
- Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Кн. дом «Либроком», 2009. 312 с.
- Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика. М.: URSS, 2009. 232 с.
- Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности: К реконструкции концепции Поля Рикера / пер. с фр. М.Маяцкого // Социол. обозр. 2012. Т.11, №2. С.100–121.
- Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.Визгина и Н.Автономовой. СПб.: А-сac, 1994. 406 с.
- Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума / пер. с англ. М.А.Эскиной. Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2003. 432 с.
- Хофштадтер Д. Гедель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда / пер. с англ. М.А.Эскиной. Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2001. 752 с.
- Эко У. Пражское кладбище / пер. с итал. Е.Костюкович. М.: Астрель CORPUS, 2012. 560 с.
- Энтитейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозр., 2004. 864 с.
- Яковлев А.И. Материальность сознания. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 184 с.
- Brush C.B. From the Perspective of the Self: Montaigne's Self-Portrait. N.Y.: Fordham University Press, 1994. 332 p.
- Eakin P.J. Touching the World: Reference in Autobiography. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1992. 254 p.
- Evans G. The Varieties of Reference. Oxford: Clarendon Press, Place, 1982. 432 p.
- Kenan H.G. The Present Personal: Philosophy and the Hidden Face of Language. N.Y.: Columbia University Press, 2005. 218 p.
- Klinkowitz J. The Self-Apparent Word: Fiction as Language, Language as Fiction. Illinois: Southern Illinois University Press, 1984. 172 p.
- Lem S. Dzienniki gwiazdowe. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982. 522 s.
- Lem S. Maska. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1988. 40 s. URL: <http://ebookbrowse.com/lem-stanislaw-maska-rtf-d259181457> (дата обращения: 20.02.2013).
- Lem S. Przedmowa do 'Maski' // Przegląd Filozoficzno-Literacki. 2009. №1(22). S.18–27.
- Marsella A.J. Culture, Self, and Mental Disorder // Culture and Self: Asian and Western Perspectives / ed. A.J.Marsella, G.DeVos, F.L.K.Hsu. N.Y.: Tavistock, 1985. P.281–307.
- Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present / ed. R.Porter. L.: Routledge, 1997. 296 p.
- Sainsbury R.M. Reference without Referents. Oxford: Clarendon, 2005. 280 p.

COGNITIVE CAPACITY OF AUTOREFERENCE: SELF-DESCRIPTION IN PROSE BY STANISŁAW LEM

Elena E. Brazgovskaya

**Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

Ekaterina A. Smerdova

**Post-graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article analyses the mechanism and cognitive capacity of autoreference. The analysis is carried out on the data of the Polish autoreferent texts "Star Diaries" and "The Mask" by S.Lem. Lem's favourite subjects were the following: self-reference, artificial intelligence and reverse dialogue systems. To create the effect of autoreference Lem uses interpretation of the sign by itself, narrative reminiscences, performative utterances and description of a character through his double etc. It is proved why the autoreferent situation has a high cognitive capacity and why it is a creative process providing self-reproduction and self-cognition of living systems.

Key words: autoreference; reflexivity; introspection; self; autopoezis; semiotics.